

Философія — самое значительное (Плотинъ) — не хочет и не можетъ быть наукой: «достаточно «понять», т. е. сорвать и вкусить плодъ съ дерева познанія добра и зла, чтобы лишиться доступа къ остальнымъ чудеснымъ деревьямъ, въ такомъ роскошномъ изобиліи наполнявшимъ сады Эдема». (108.) «Вѣдь разумъ и есть тотъ огненный мечъ, которымъ отгоняетъ поставленный Богомъ ангель людей отъ вратъ Эдема». (278.) «Общее» и «необходимое» подрѣзываетъ корни дереву жизни. Нужно взрывчатимъ матеріаломъ единичнаго опыта взорвать ту общую стѣну, которой мы себя добровольно окружили, чтобы выйти на просторъ къ истокамъ всего, чтобы вновь найти потеряннаго Бога.

Г. Ловцкій

Л. Карсавинъ. Діалоги. Обелискъ. Берлинъ, 1923 г.

Небольшая книга въ 104 странички. Діалоговъ только два. Первый «Объ основныхъ свойствахъ русскаго народа и царственномъ единствѣ добродѣтелей», второй «О прогрессѣ и социализмѣ». Оба діалога крѣпко другъ съ другомъ связаны. Оба защищаютъ одно и то же міросозерпаніе: — религиозное по своей основѣ, глубоко положительное по своимъ этическимъ тенденціямъ (Л. П. Карсавинъ отрицаетъ идею радикальнаго зла) и широко синтетическое по своимъ метафизическимъ задачамъ; міросозерпаніе, въ которомъ ничто пичего не вымѣщаетъ, а все со всемъ совмѣщается въ абсолютной реальности положительнаго всеединства.

При всей философской существенности этой основной мысли Л. П. Карсавина, цѣнность его діалоговъ не въ ней, а въ громадномъ количествѣ вращающихся вокругъ нея конкретныхъ соображеній.

Атмосфера, въ которой главная мысль Л. П. Карсавина связывается имъ со всеми его соображеніями, — атмосфера очень живой бесѣды, блестящей юморомъ, остротой, парадоксами — большою тонкостью психологическихъ наблюденій и анализомъ.

Анализъ «цѣломудрія» русскаго языка и русскаго чувства «стыда», — раскрытіе русскаго цинизма, какъ «болѣзни» русскаго стыда, додукція русскаго безстыдства изъ стремленія Россіи къ Абсолютному, связь стилистики Ключевскаго съ психологіей камаринскаго музика — во всемъ этомъ настоящій стиль изустнаго слова, быстро взлетающаго на самыя крутыя теоретическія вершины, но такъ же быстро и скатывающагося къ проблематическимъ низинкамъ житейскаго подмигиванія.

«Конечно, дѣва яснѣйшій и свѣтлѣйшій символъ цѣломудренной души, но все же она прекрасна не какъ дѣвушка сорока пяти-пятидесяти лѣтъ, а въ полномъ цвѣтеніи жизни съ пейсаннымъ и таинственнымъ желаніемъ брака и материнства».

Особое обаяніе карсавинскихъ діалоговъ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что ихъ живой житейскій тонъ массивно обставленъ тяжелой ученостью: во время бесѣды съ полкомъ снимаются и читаются трактаты Бѣме, все время цитируются Францискъ Ассизскій, Блаженный Августинъ, мелькаютъ имена Канта, Гегеля и друг.,... причѣмъ все это соединено не внѣшне и механично, а органично и внутренне, все живетъ единою жизнью сложной авторской души и многомѣрнаго авторскаго сознанія.

Сознанію этому, насыщенному средневѣковой атмосферой, неуспешному и въ богословскихъ и въ философскихъ и въ историческихъ вопросахъ, пристрастному къ діалектическимъ тонкостямъ и построениямъ, очень чуждъ, конечно, средній русскій интеллигентъ, демократъ и социалистъ съ его культурною безпамятностью и примитивною вѣрою въ летящую стрѣлу прогресса, съ его ничѣмъ не омраченнымъ оптимизмомъ и полнымъ отсутствіемъ ироническаго отношенія къ себѣ самому и своему паѣосу. Во второмъ діалогѣ этому интеллигенту очень достается, но все же его идеи неполнѣ отрицаются. Конечно, онѣ ложны, какъ самодовлѣбшія истины, но на своемъ мѣстѣ правы и онѣ. Прогрессъ отрицающій прошлое — ложь; но прогрессъ, стремящійся влить прошлое въ будущее — правда. Конечно, это уже не прогрессъ, а лишь вариация идеи всеединства, но идея прогресса вѣдь только и понятна какъ умаленіе идеи всеединства.

Если бы опредѣленнаго философскаго міросозерцанія, обилія конкретныхъ мыслей, психологической зоркости и занимательнаго тона живой рѣчи было бы достаточно для созданія той идеальной формы философскихъ діалоговъ, которая такъ удалась Владимиру Соловьеву — то діалоги Л. П. Карсавина пришлось бы, вѣроятно, признать совершенными. Однако они, къ сожалѣнію, по своей формѣ отъ совершенства все же далеки. Для созданія совершенной диалогической формы перечисленныхъ свойствъ очевидно мало. Нуженъ еще и даръ чисто художественной изобразительности. Даръ этотъ обнаруженъ Л. П. Карсавинимъ но въ достаточной степени: персонажи его діалоговъ не живые люди; въ лучшемъ случаѣ — они характерныя душевныя субстанціи (авторъ, скептикъ), въ худшемъ — инвентари идей (другъ, интеллигентъ).

Федоръ Степунъ